

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Г. А. СОСНИН

Г. А. Соснин

Я, как инженер-конструктор, приехал в институт несколько раньше Андрея Дмитриевича, но встретился с ним в 1953–1954 гг. на совещаниях у научного руководства института.

Он не привлекал к себе особого внимания, если бы не его выдержанность и слегка замедленная картавящая речь. Он заметно

контрастировал с подвижным и напористым Я. Б. Зельдовичем, не спешил с высказываниями, а при высказываниях говорил спокойно, аргументированно.

В те времена было не принято конструкторам ходить к физикам-теоретикам, которые работали в более секретной обстановке. С теоретиками взаимодействовали лишь руководители конструкторских коллективов, а рядовые конструктора взаимодействовали с ними в тех случаях, когда теоретики сами приходили к ним по вопросам своих технических заданий.

В деловых беседах Андрей Дмитриевич вел себя спокойно, серьезно, несколько задумчиво, не спешил вклиниваться в разговор. По подготовленным им предложениям высказывался твердо, но без нажима.

Его интеллигентность, сдержанность и требовательность к себе создали ему незыблемый авторитет, определявший творческую обстановку в коллективе теоретиков.

При контактах с ним у меня были чисто деловые разговоры, о которых не принято говорить открыто.

Одно можно сказать, что при разговоре с ним всегда можно было получить исчерпывающий ответ сразу или после его проработки у теоретиков.

В разговоре он проявлял внимательное отношение к собеседнику, что, в свою очередь, вызывало чувство искреннего уважения к нему.

В плане иллюстрации его отзывчивости на обращения к нему вспоминается такой случай.

Однажды я улетаю на самолете в Москву и на аэродроме встретил Сахарова. В ожидании само-

лета я решил воспользоваться свободным временем и задал вопрос Андрею Дмитриевичу по его последнему заданию, где, на мой взгляд, было не полное обоснование ряда элементов.

Он не стал откладывать обсуждение и мы вышли из здания, отошли на площадку, где нас не могли видеть и слышать посторонние, и он, присев на корточки, стал рисовать на песке схему интересующего меня элемента и разъяснять, что можно сейчас разрабатывать, а с чем надо подождать до завершения расчетов у теоретиков.

С такой же готовностью он мог приезжать к конструкторам, когда у них возникали вопросы, требующие отклонений от выданного им технического задания.

Мне неоднократно доводилось возвращаться из Москвы самолетом одновременно с А. Д. Сахаровым, и я видел, что когда он возвращался один, как правило, он не вызывал к самолету автомашину (закрепленную лично за ним), а ехал в город вместе со всеми прибывшими в специальном автобусе, подаваемом к прилету самолета. Только в случаях, когда он прилетал в компании со своими коллегами, их встречала машина, вызванная, видимо, предусмотрительными сослуживцами.

Другой случай рассказал мне товарищ, ездивший с Андреем Дмитриевичем на уральское предприятие.

При возвращении в Москву в свердловском аэропорту они застали большое скопление пассажиров, создавшееся в результате нелетной погоды. Вскоре начался вылет самолетов с отправкой пассажиров с рейсов предыдущего дня. По сложившейся ситуации Сахарову трудно было рассчитывать на вылет в этот день.

Его спутник предложил Андрею Дмитриевичу пойти к начальнику аэровокзала и воспользоваться правом Героя Социалистического Труда на внеочередную посадку в самолет. Андрей Дмитриевич долго отказывался идти, уверяя, что неудобно обходить людей, которые сидят на вокзале уже вторые сутки.

Наконец он сдался и они пошли к начальнику аэропорта. Войдя в кабинет, Андрей Дмитриевич стал объяснять, что ему с товарищем необходимо срочно попасть в Москву и нельзя ли ему, Герою Социалистического Труда, восполь-

зоваться своим правом на внеочередную посадку в самолет ближайшего рейса.

Начальник аэропорта попросил показать документы. Сахаров полез в карман за документами, а начальник аэропорта стал осматривать Андрея Дмитриевича с головы до ног и задержал взгляд на ботинке с подвязанной проволокой подошвой. (Перед отъездом с уральского предприятия Андрей Дмитриевич сильно споткнулся и оторвал подошву ботинка. Времени на починку не было и он, подобрав случайную проволоку, примотал подошву, чтобы она не болталась).

Не найдя удостоверения, Андрей Дмитриевич смущенно стал объяснять, что, к сожалению, удостоверения Героя у него с собой нет.

Рука начальника аэропорта потянулась к кнопке на столе, видимо, для вызова наряда милиции.

В этот момент Сахаров сказал, что у него с собой только удостоверение академика и протянул его начальнику аэропорта. Тот убрал руку с кнопки вызова и взял удостоверение. Внимательно изучив его, он позвонил диспетчеру по транзиту и дал команду отправить Сахарова и его спутника в Москву ближайшим самолетом.

Андрей Дмитриевич мог легко «загораться» какой-либо проблемой или просто пустяковой задачей.

Помню, как-то раз он сел за мой стол в столовой и обратил внимание на то, что я в ожидании заказа сгибал бумажную салфетку пополам и последовательно рвал на более мелкие кусочки («дурная» привычка). Увидев, что он внимательно следит за моим занятием, я сказал ему, что недавно встретил заметку в одном молодежном журнале, что если последовательно делить тетрадный лист, каждый раз разрывая часть пополам, то на 32-м делении получается частичка размером в молекулу! Я же могу сделать 15–16 делений, а если использовать ножницы – еще 2–3 деления.

Он быстро спросил: «Молекула какого вещества? Если какого-либо полимера, то его молекула может быть с тетрадный лист без всякого деления».

Я сказал, что не обратил внимания, на какое вещество была ссылка. Он взял карандаш, бумажную салфетку и стал рассчитывать размер конечной частицы листа. Официантка принесла заказ, а он не мог оторваться от расчетов. Я предложил ему бросить этот расчет, поскольку остывал принесенный суп, он же не прервался и не притронулся к обеду, пока не закончил расчет.

Во внеслужебной обстановке мне довелось довольно часто встречаться с Андреем Дмитриевичем в столовой, куда он ходил вместе с женой Клавой.

Обычно они подсаживались за мой столик, поскольку я приезжал раньше. (Сахаров приезжал домой за женой и приезжал в столовую чуть позже.)

Нас с женой Андрея Дмитриевича объединяла схожесть хронического заболевания поджелудочной железы, и мы при встречах обменивались информацией по реакции на различные продукты, по применяемым лекарствам и т. п.

Беседы с ним на различные темы были весьма интересны. В его поведении и в разговоре с женой чувствовалась какая-то бережность и трогательная внимательность. К глубокому моему сожалению заболевание Клавы оказалось гораздо серьезнее моего и ее в 1968 г. отправили на лечение в Москву, где она вскоре умерла.

Вслед за ней уехал в Москву и Андрей Дмитриевич на постоянную работу в Академию наук.

Я связал этот отъезд именно с болезнью и смертью его жены, поскольку в то время не слышал о его правозащитной деятельности. Ни в служебной обстановке, ни при разговорах в столовой он при мне не говорил на эту тему. А ведь мне довелось знать его на протяжении почти всего периода его работы в институте!

Поэтому, когда пресса стала выставлять его как «диссидента», я воспринял это, как наговоры на него. И поверил только после того, когда я сам увидел его у Дома дружбы народов, стоящим с транспарантом. Мне было трудно представить, как он, отличавшийся скромностью, без таланта зажигательной речи, не рвущийся к политической деятельности, а просто талантливый и ценимый за это выдающийся ученый, физик-теоретик, втянулся в несвойственную ему область деятельности. Это я мог себе объяснить только тем, что оторвавшись от живого и большого дела, его деятельная натура не могла оставаться без дела длительное время и он увлекся политикой. Если правозащитная тема его и занимала в период работы в нашем институте (о чем стали утверждать его биографы), то это, на мой взгляд, могло занимать его в плане хобби или что-то в этом роде.